

ВСЛЕД
ЗА МЕЧТОЙ

| Романы

| А. Мироновой

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ПО ИМЕНИ
ВЕТЕР

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии *Г. Ганжи*

Миронова, Александра Васильевна.

М64 По имени Ветер : роман / Александра Миронова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199516-4

Вся жизнь Есенин протекает в тени мужа — всемирно известного композитора — и в борьбе с его внутренними демонами. В отчаянной попытке спасти супруга она соглашается на переезд в старинный особняк. Есенин надеется наладить жизнь, стремительно несущуюся в пропасть.

Но странный дом будто не рад новым хозяевам. Странные голоса, шорохи, распахнутые окна, зажигающиеся вдруг свечи... После спиритического сеанса становится только хуже: кровавые надписи на стенах предвещают смерть. И это не пустые угрозы.

Есенин понимает, что угодила в свой худший кошмар. И в этот момент в ее жизнь врывается обаятельный и похожий на глоток свежего воздуха Ветер...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Миронова А., 2024**
© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024**

ISBN 978-5-04-199516-4

Творчество — это болезнь души,
подобно тому, как жемчужина есть
болезнь моллюска.

Генрих Гейне

Мой сад — мой самый прекрас-
ный шедевр.

Клод Монэ

Дом отпугивал и притягивал одновременно. Стоящий высоко на холме, он доминировал над поселком, расположившимся у подножия. Подавляя величием, роскошью и великолепием, которого никогда не достичь тем, кто внизу.

Не в силах отвести взгляд от огромного дома, что на мгновение заслонил ей солнце, Есения пыталась разобраться в собственных чувствах. Дом, хотя домом язык не поворачивался его назвать, куда более ему подходило неожиданно всплывшее откуда-то из глубин памяти французское *maison* — «особняк», — вызывал желание подойти поближе, потянуть на себя тяжелую входную дверь, окунуться в вековую прохладу, пробежаться босиком по старинным плитам, касаясь руками стен и перил, чувствуя, как холод пробирается в самое сердце, пронзает тело и превращает кровь в лед. Затем, согрившись светом из витражных окон, ожить, отпереть все закрытые на замки двери, заглянуть в потайные комнаты и познакомиться с призраком

Александра Миронова

(в таком доме наверняка должен обитать призрак!) и, возможно, подружиться с ним. Но, глядя на особняк, Есения не могла отделаться от мысли, что некоторым дверям лучше оставаться закрытыми навсегда.

Она с трудом подавила желание схватить мужа за руку и начать умолять его вернуться назад, в привычную жизнь, где все знакомо и безопасно.

Но даже упав она сейчас на колени и залейся слезами, Ян вряд ли станет ее слушать. В отличие от жены, едва завидев дом, он немедленно пришел в детский восторг. Приказал шоферу остановиться на обочине — ему хотелось насладиться видом новой собственности и размять ноги после почти пяти часов пути.

Поселок, в котором формально был расположен дом, не сразу отыскался на карте. Лишь созвонившись с его хранителем, Есения смогла выяснить, где именно находилось так неожиданно свалившееся на их голову наследство. Точнее, на голову Яна. Ведь только ему могли дарить столь шикарные подарки. К особняку прилагались еще пять гектаров земли, находящейся в заповедной зоне.

— Ясечка, смотри, какой шик! — воскликнул Ян.

Как давно Есения не видела на лице мужа такой искренней улыбки.

Казалось, все это осталось далеко в детстве, которое уже не вернуть. Но нет, оказывается, Есения ошиблась. Все это время улыбка была жива, просто

пряталась под грузом лет, ошибок, страстей и пороков. Но сейчас она снова расцвела.

Ян был в восторге. Приплясывал, что-то напевал под нос — кажется, что-то новенькое. И делал бесконечные фотографии.

— Может быть, ближе подъедем? — робко, боясь спугнуть хорошее настроение мужа, предложила Есения, когда спустя пятнадцать минут Ян все так же стоял посреди дороги, салютуя проезжающим мимо машинам и стремясь поделиться со всем миром своей неожиданной радостью.

— Подъедем, милая, обязательно подъедем. — Неожиданно Ян подхватил Есению и закружил. Она испугалась — тощее, костлявое тело мужа, казалось, было не в состоянии выдержать и малейшей нагрузки. В какой-то момент Есенин показалось, что сейчас они упадут и покатаются в сухую дорожную пыль. Как тогда, в детстве, когда это еще могло насмешить и накрыть с головой незамутненной радостью.

Она сжала руки, чтобы покрепче вцепиться в Яна в жалкой попытке удержать его от падения. Поддерживать, спасти, пусть даже ценой собственной жизни. Но Ян, наигравшись, поставил жену на землю, крепко обнял и поцеловал с обычной страстью. Взяв ее лицо в руки, он уставился ей прямо в глаза, и Есения снова почувствовала, как гипноз проникает прямо в сердце и душу и она снова готова идти за Яном, словно глупый ребенок за волшебной дудочкой Крысолова. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

Александра Миронова

— Мы будем там счастливы, Ясечка, все будет по-другому, я тебе клянусь. Как когда-то.

Есения молча кивнула и попыталась отвести взгляд. Но от Яна ее попытка не укрылась. Он не разжал рук и не ослабил хватку, не дал ей ускользнуть.

— Ты мне не веришь?

Есения почувствовала, как беспокойство уступает место панике:

— Ну что ты, конечно, верю! Поэтому я на это и согласилась, — неумело соврала она.

Впрочем, Ян никогда не уделял особого внимания оттенкам ее голоса. Поэтому ложь осталась незамеченной.

Есения обняла мужа и уткнулась лицом в рукав теплой замшевой куртки — сшитой в Милане, на заказ, разумеется. Мастера сочли за честь.

Обнявшись, они вернулись в машину и оставшийся до особняка путь проделали в тишине. Ян держал Есению за руку, а она вцепилась в его тонкую, изящную ладонь, словно утопающий, который в отчаянной надежде остаться в живых хватается за обломок корабля, оставшийся после крушения.

Чем ближе они подъезжали к дому, тем больше Есения волновалась — все ли в порядке? Несколько дней назад она отправила в дом персонал, который вот уже много лет обеспечивал им с Яном комфортный быт. Светлану, добрую фею, заботившуюся об их завтраках, обедах, ужинах и официальных при-

емах. А также Машу — домоправительницу, но по факту скорее компаньонку для нее, Есении, ведь, кроме Маши и Яна, она больше ни с кем толком и не общалась.

Сама Есения хотела приехать в дом вместе с ними, чтобы подготовить все к приезду мужа и сделать его пребывание максимально комфортным. Но Ян не захотел отпускать жену, попросил сопроводить его, да и сама она в глубине души была рада такому решению. Когда Ян находился под ее круглосуточным присмотром, ей было спокойнее.

Она поручила Маше найти в поселке женщину, которая могла бы взять на себя уборку огромного дома, а также по мере необходимости помогала бы самой Маше в ее делах. Также требовалось подыскать садовника. Основным условием, как обычно, была незаметность, умение держать язык за зубами. Каждый, кто соглашался работать в доме Есении и ее мужа, подписывал договор, в котором помимо условий конфиденциальности прописывались мельчайшие детали, вплоть до цвета одежды персонала. Все, что происходило в стенах их дома, не должно было быть известно больше никому.

Маше удалось отыскать идеальный вариант — некую Нину Сергеевну, с детства немую. Та была рада работе и за три дня отмыла дом до блеска. Насколько это было возможно. Садовником же стал Петр Алексеевич, бывший военный, приглядывавший за домом и раньше. К болтовне, по заверениям Маши,

Александра Миронова

не склонный. Ну а сама она как обычно принялась хлопотать и наводить уют.

Дом нуждался в серьезной ревизии и ремонте. Там давно никто не жил, а некоторые комнаты использовались прежними хозяевами как склад ненужных вещей. Маше предстояло все их со временем разобрать и рассортировать.

Прежде всего она разобралась с посудой. Прежний хозяин любил красивую жизнь, и после него остались пусть и немного старомодные, но добротные сервизы лиможского фарфора, ожидающие своего часа в коробках на чердаке. Затем Маша подготовила к приезду Яна и Есении спальню, закупив новые матрасы, подушки, лампы и постельное белье. После чего озадачилась уже ванными — хозяйскими, гостевыми и теми, которыми будет пользоваться персонал. В доме были перебои с электричеством, Маша вызвала электриков и одновременно закупила несколько сотен свечей. Сложно было предугадать, какая мысль придет в голову ее эксцентричному хозяину. Вполне возможно, что в старом особняке он захочет устраивать ужины и приемы при свечах.

И хотя Есения доверяла Маше на все сто, она все равно несколько раз перезвонила ей и отправила сообщения, чтобы снова и снова убедиться, что в доме все в порядке. Что садом уже начали заниматься, что Светлана приготовила божественный обед к их приезду, а белое полусухое охлаждается в холодильнике.

Несмотря на то что все было под железным Машинным контролем, Есения отчаянно боялась, что с недавнего времени равномерно идущий поезд их налаженного быта вдруг сойдет с рельсов и хрупкий баланс нарушится, вновь погрузив их в кошмар. Поэтому остаток пути прошел в тревогах и муках. Она не замечала красот природы, широкой ленивой реки, все еще зеленых лугов и густых лесов, встретившихся им. По слухам, здесь обитали уникальные виды птиц, включая зимородка, поэтому зона считалась заповедной. Но Есении сейчас было не до зимородков. Все мысли были о том, что их ожидает в новом доме.

Вблизи особняк выглядел еще более монументальным и напоминал заброшенный санаторий для партийной элиты. Обнесенный глухим трехметровым забором, он позволял случайному прохожему (вздумай какой смельчак пройти мимо) увидеть только крошечную часть сада и фрагмент фасада.

Они бросили машину на улице и отпустили водителя — временно в его услугах не было необходимости. Ян собирался большую часть времени проводить в доме и работать, к тому же после своей последней выходки он был лишен водительских прав. Поэтому для экстренных случаев роль водителя на себя могла взять Есения.

Припарковав машину, водитель поспешил отчалить — стоящий на холме в полном уединении старый особняк произвел на него гнетущее впечат-

Александра Миронова

ление, и водитель был счастлив, что хозяева не потребовали от него остаться. В доме они собирались прожить минимум до конца года, продумать план его реставрации и уже после всех зимних праздников вернуться в город. Это означало, что у него было полгода отдыха от хозяев, чему водитель был несказанно рад.

Распрощавшись с ним, Есения и Ян взяли за руки и подошли к ажурной металлической калитке, ведущей в сад. Быстро переглянулись и, чувствуя себя персонажами детской сказки, ступили на аллею, вымощенную камнем. Та, петляя, вилась через запущенный сад и вела к центральному входу в дом.

Тишину разрывало лишь птичье многоголосье. Есени, городской жительнице, казалось, что птицы поют лишь по утрам и вечерам, когда смолкает деятельность человека и природа берет свое. Но, видимо, местные птицы были не в курсе часов для пения и заливались как сумасшедшие, создавая громогласной какофонией отличный саундтрек для знакомства с новым домом.

Солнце тщетно пыталось пробиться сквозь резную тень вековых дубов, обрамлявших аллею, ведущую к дому. Есения была слегка удивлена — она ожидала увидеть французский сад — строгий, лаконичный — под стать дому, но, казалось, местные садовники решили нарушить все правила ландшафтного приличия и центральную аллею засадили дубами из народных сказок.

Справа за дубовой аллеей виднелась порядком запущенная лужайка, которую Петр Алексеевич уже успел выкосить и сейчас боролся с одичавшими розовыми кустами, обрамлявшими лужайку по кругу и в солнечное утро наверняка благоухавшими. Посередине лужайки стояла успевшая покрыться мхом статуя женщины в древнегреческой одежде. Есенин неожиданно захотелось бросить Яна и отправиться на исследование сада — растения всегда притягивали и интересовали ее. Кажется, в саду еще было озеро, возможно с кувшинками. Ей хотелось бы на него взглянуть. Но Ян наверняка этого не одобрит. Он считал, что сад — это занятие для садовников. А они с Есенией должны наслаждаться их трудами. Впрочем, к ухоженной природе муж был весьма расположен, именно поэтому при каждом из их домов был садовник, который о ней заботился.

Взяв Яна покрепче за руку, Есения проследовала с ним по аллее и замерла, скованная неожиданно обуявшим ее ужасом при виде особняка, открывшегося ей во всей красе: огромный давящий фасад с двумя колоннами из серого гранита, поддерживавшими нависающую над входом крышу. Дом был словно облачен в потерявшее свежесть оливковое пальто, местами потемневшее, покрывшееся пятнами и трещинами, отчаянно нуждающееся в реставрации. Есенин вдруг подумалось, что дом похож на стареющую прелестницу, некогда блиставшую

Александра Миронова

в свете и бывшую его несомненным украшением. Она все еще хранит былое величие, но следы времени уже начинают брать свое. Солнце, дожди и рвущий над холмом ветер с реки внесли свою лепту. Особняк был похож на все аристократические замки прошлого столетия, которые ленивое солнце выстирало и бросило на потеху бушующим стихиям.

Несколько гранитных ступенек вели к массивной деревянной двери. Все еще не решаясь ступить на них, Есения окинула особняк взглядом — слева и справа от входа огромные окна, высотой в два этажа. Закрыты потрескавшимися, выгоревшими на солнце ставнями, некогда покрашенными в зеленый цвет. За ними, вероятно, находятся бальные залы или что-то в этом роде, ведь прежний владелец был состоятельным человеком, влюбленным в историю, и наверняка представлял, как будет проводить в особняке великосветские приемы, тщетно пытаясь вернуть невозвратное.

Дом построил еще до революции дед владельца — один из богатейших людей Российской империи — Николай Второв. По слухам, это был подарок любимой жене. Софья Второва провела детство в этих местах, и влюбленный муж выкупил всю деревню, назвал ее в честь супруги Софиевкой, а на холме, возвышающемся над поселением, отгрохал огромный особняк, для строительства которого пригласил французского архитектора. В дальнейшем поместье

служило супругам местом летнего отдыха. Ведь природа здесь была волшебная. Местную реку облюбовали зимородки, а у этих крошечных красавцев очень строгие требования к местам обитания. Зимородки живут только возле водоемов с чистой проточной водой — не мелких и не глубоких, где есть обрывы и нетронутые заросшие берега. Легко было представить молодых влюбленных супругов, выходящих на балкон своего роскошного дома и наблюдающих за птицами. Покой и безмятежность были разлиты здесь на километры вокруг. Жизнь словно замирала и очень сильно отличалась от сумасшедшего ритма бурлящего начала двадцатого столетия.

Впрочем, наслаждались Николай и Софья красивейшими местами недолго. Грянула революция, Николай Второв трагически погиб, собственность его была национализирована, но, к счастью, не уничтожена, а сохранена рачительным председателем местного колхоза и превращена вначале в Дом культуры, а затем в элитный санаторий.

В мутные девяностые, когда колхоз медленно загибался без молодежи, массово рванувшей в город, в затерянную в веках перемен Софиевку явился внук Николая Второва, названный в честь деда — Николя.

Выросший во Франции, куда подался в эмиграцию его отец, и плохо говорящий по-русски, месть Торо тем не менее сумел договориться с нужными людьми и получить семейное гнездо в единоличное пользование.

Александра Миронова

Во Франции месье Торо сумел сколотить впечатляющее состояние в сахарной промышленности. Он не скупился на ремонт особняка, дотошно следуя фотографиям из семейного архива и многочисленным дневникам, оставленным бабушкой и отцом. Но жить в нем он так и не стал. Оказалось, что божоле нуво и свежие круассаны, а также вид на Эйфелеву башню прописаны в его генетическом коде куда более глубоко, чем зов предков, родные березки и зимородки.

Спустя пару лет владелец отбыл во Францию, а дом принялся ветшать и постепенно разрушаться. Месье Торо нанял местного хранителя, чтобы предотвратить вандализм на время своего отсутствия. Как дань уважения предкам он планировал навещать сюда периодически со своими детьми и внуками. Но вскоре он тяжело заболел и, будучи большим поклонником творчества Яна и посетив все его представления во Франции и окрестных странах, решил завещать отечественную недвижимость своему кумиру. Прекрасно понимая, что состоятельный Ян сможет позаботиться о наследстве почившего дедушки куда лучше, чем его французские отпрыски.

По словам врачей, Ян, недавно прошедший очередной курс реабилитации, отчаянно нуждался в смене обстановки. Именно поэтому решение о вступлении в наследство было принято так быстро. Ян, вдохновленный приближающимися пере-

По имени Ветер

ментами, казалось, снова вернулся к жизни, а Есения вместо радости сжималась от ужаса — что готовит ей будущее? Впрочем, ей самой были непонятны эти страхи. Разве может с ней произойти что-то более ужасное, чем то, что уже произошло?

Ветер

Голова была тяжелой. Он в очередной раз проклинал себя за то, что вчера пошел на поводу у Тины и выпил слишком много. Хотя, кажется, у них был повод. Какой именно, вспомнить он сейчас не мог.

Сознание возвращалось вместе с ноющей головной болью, пульсирующей в такт резким звукам. Даже шум льющейся воды и радостное пение Тины, доносившееся из душа, действовали раздражающе, хотя обычно ему нравилось слушать ее мурлыканье по утрам, оно умиротворяло. Но не настолько, чтобы сделать его неотъемлемой частью своей жизни.

Ветер пошарил рукой по тумбочке в тщетной попытке обнаружить телефон. Тот нашелся сам — упав на пол от неловкого движения владельца и возвестив о своем существовании громким «бум».

— Черт, — буркнул Ветер и рывком сел.

Он не любил разлеживаться в постели, всегда быстро просыпался, вскакивал, переключался с одного действия на другое и уносился вдаль, соответствуя своему прозвищу.

Александра Миронова

Подняв телефон с пола и в сотый раз пообещав себе купить защитный чехол, Ветер увидел, сколько сейчас времени, и принялся оглядываться в поисках одежды. Та, как всегда, нашлась в совершенно неподходящих местах — вспомнить бы, что именно они вчера делали с Тиной, в результате чего его джинсы нашлись на ручке двери, ведущей в ванную, — а вот футболка отыскалась почему-то за мягким креслом, стоящим в углу уютной спальни. Один носок лежал возле входа в комнату (он что, раздеваться начал с носков?), но второй так и не обнаружился.

— Ты куда это? — Тина появилась на пороге бесшумно, завернутая в полотенце, с мокрыми волосами и блестящей от воды кожей. Аппетитная, манящая. Желание плескалось через край.

— В магазин опаздываю, — натягивая футболку шиворот-навыворот, замечая это и тут же стягивая ее, отрапортовал Ветер.

— В душ сходи хотя бы, — фыркнула Тина и одним движением сбросила влажное полотенце на пол. — Или давай вместе ходим.

Ей отчаянно не хотелось, чтобы Ветер улетал. В одно мгновение тоска стала острой и ужалила где-то в области сердца. Вот бы он задержался, пускай на час, да хотя бы на пять минут. Возможно, боль отпустит и станет легче дышать?

Но Ветер лишь качал головой и старался не смотреть на крепко сбитое тело Тины, которое знал слишком хорошо еще со школьных времен.